

Научная статья

УДК 82.09

DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-141-159

Фанфикшн как апокрифическая литература и постсовременный миф

Ульяна Сергеевна Алексеева¹

Тимофей Дмитриевич Алексеев²

¹ Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия
ruslang@stu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1947-6642>

² Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
veretur@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-4608-3078>

Аннотация

Исследуется фанфикшн как литературное и социальное явление. Выдвигается гипотеза о культурных обстоятельствах появления и литературных особенностях бытования фикрайтинга. На основании вывода о характере взаимодействия текста-источника и фанфиков, их художественных особенностях: жанрах, темах, мотивах, образах представляется плодотворной метафора фанфикшна как апокрифической литературы в культурном состоянии постмодерна. Практики фикрайтинга возникают в форме оппозиции к нормативному порядку литературного процесса, функционируют как миф в отношении ценностного профиля современных обществ и развиваются до автономного письма со своеобразной апокрифической поэтикой.

Ключевые слова

фанфикшн, читатель, апокриф, массовая литература, миф, писатель, постсовременность, постмодерн

Для цитирования

Алексеева У. С., Алексеев Т. Д. Фанфикшн как апокрифическая литература и постсовременный миф // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 141–159. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-141-159

© Алексеева У. С., Алексеев Т. Д., 2021

Fanfiction as Apocryphal Literature and Postmodern Myth

Uliana S. Alekseeva¹, Timofey D. Alekseev²

¹ Siberian Transport University, Novosibirsk, Russian Federation
ruslang@stu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1947-6642>

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation
veretur@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-4608-3078>

Abstract

The article addresses the problem of fan fiction as a source of autonomous writing practice in Russian fan communities. Resources under study include litres.ru, samlib.ru, and prodaman.ru platforms, specifically the user-acclaimed publications of “A Song of Ice and Fire” and “Harry Potter” fandoms. Fandoms are hypothesized to emerge as readers’ communities that produce apocrypha over post-modern axiology and evolve into writers’ environments that produce original authors outside the endogenous institutions of mass literature.

Keywords

fanfiction, canon, reader, mass literature, apocrypha, myth, writer, postmodernity

For citation

Alekseeva U. S., Alekseev T. D. Fanfiction as Apocryphal Literature and Postmodern Myth. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, pp. 141–159. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-141-159

Фикрайтерство вышло из субкультурной ниши фанатов, выдвинув фанфикшн в постоянное направление даже на литературных интернет-площадках, специализирующихся на оригинальной литературе: litres.ru, samlib.ru. Профильный российский ресурс ficbook.net начитывает уже более двух миллионов авторов, четыре с половиной миллиона работ, двадцать пять тысяч фандомов¹, постоянно обновляет функционал, имеет аккаунты в «Инстаграме», «ВКонтакте» и на Youtube, что говорит об устойчивом развитии фанфикшна. В российском литературоведении последних пятнадцати лет сформировался ряд интерпретаций этого литературного

¹ Справка из <https://www.instagram.com/ficbook.net.official/?hl=ru> (дата обращения 23.01.2021).

явления: 1) сетевой фольклор, отклик на современные явления и события в массовой культуре [Радченко, 2007]; 2) постфольклорное творчество [Васильева, 2005]; 3) «наивная литература», промежуточная форма между литературой и фольклором, связанная с рукописным девичьим рассказом [Неклюдов, 2001]; 4) паралитература, произведения упрощенного характера для массового читателя [Федорчук, 2017]; 5) «поле текстов», а фанфик – форма и инструмент коммуникации между культурой и социумом [Горалик, 2003]; 6) форма читательской самореализации, осмысления множественных контекстов и освобождения от диктатуры писателя [Самутина, 2013]. Разброс интерпретаций исследователей указывает на сложность явления и значимость поиска объединяющей позиции. Цель статьи: осмыслить фанфикшн в социально-культурном контексте его возникновения и развития. Эмпирической базой исследования послужили тексты фандомных дискуссий и фанфиков, представленные на профильных площадках: 7kingdoms.ru, ficbook.net, сайте авторских блогов diary.ru с высоким уровнем читательской востребованности².

Первое впечатление от творчества фикрайтеров – это незамысловатая примитивность повествований. Несмотря на большой массив таких текстов, «наивность» [Неклюдов, 2001] трудно рассматривать как классифицирующий признак, поскольку при внимательном изучении, литературные уровни текстов, имеющих реальную востребованность читательской аудиторией, тяготеют к добротным и даже виртуозно написанным: «На почве фэнфика подвизаются как полуграмотные школьники, так и сорокалетние филологи, возможно, способные занять место в списках лучших фантастов современности» [Горалик, 2003]. Так, нельзя приписать шаблонность паралитературы кроссоверу³ «Мой друг (лучше всех играет на саксофоне)» по произведениям «Тимур и его команда» и «Стиляги» в жанре детектива и драмы (художественная задача далека от шаблонной), который с первых строк пронизан ретро стилизацией: «В Москву пришла зима – молодая, прозрачная, как первый лёд на реке, вкусно пахнущая капустными коче-

² Востребованность можно оценивать по количеству лайков, отзывов, подарков автору и включению его читателем в избранное. Показателем качества также является участие в конкурсе «Фандомная битва» и ссылки на сервисах рекомендаций, например, <https://www.diary.ru/~poiskfanfikov/>.

³ Работа, в которой используются герои и элементы одновременно двух или более канонов, <https://ficbook.net/tags/10/>.

рыжками и “Взлётными” карамельками. Через месяц-полтора она повзрослеет, запахнет мандаринами, малиновым вареньем и еловой смолой, а пока что ей было хорошо и так»⁴. В произведении Машшкь «Любимый сын господина коменданта»⁵, персонажи Джорджа Мартина, объединяясь прямыми отсылками с ремарковскими героями, связывают воедино страшную действительность фашистских концлагерей и леденящую мистику Иных и мертвых ходоков. Автор поднимает вопросы человечности и жажды создать сверхчеловека, прогнав через эксперименты обезличивания: «Он шел к своему корпусу, не разбирая пути, шатаясь как пьяный и тихо скуля, стирая сопли и слезы рукавом куртки. Он оказался слаб – даже для предательства. От этой мысли хотелось забиться в самый темный, самый дальний угол лагеря, но белый свет прожектора неустанно следил за ним, бесшумно скользя по земле».

Мотивацию фикрайтера к написанию текста часто связывают с эмоциональным потрясением [Jenkins, 1992] от прочтения оригинального произведения. Эмоциональная доминанта позволяет ассоциировать фикрайтерство с фольклорным творчеством. Фанаты – сообщество, эмоционально независимое от канона, но создание полноразмерных прозаических тестов, непротиворечиво развивающих исходную вселенную, требует осмысления. Эмоциональное потрясение приводит к вливанию в фанатское сообщество, включению в обмен мнениями об исходном произведении. Между регистрацией на фанатской площадке и первым фанфиком могут пройти месяцы и годы. Будущий фикрайтер читает дискуссии, лайкает сообщения, высказывает собственное мнение. Осмысляет бытующие интерпретации: «коммуникация внутри фандома, как правило, связана с обсуждением содержательных особенностей материала: сюжета, психологических черт персонажей, мотивов их поступков, манеры поведения» [Четина, Ключикова, 2015, с. 101]. Так участник фандома формирует собственную позицию, которая не всегда совпадает со средне распространенной. Написание авторского текста становится итогом размышлений, они продолжают в процессе написания поисками жизнеспособности и правдоподобия, при этом «авторы фанфикшн, придавая вымышленному миру “онтологический” статус, тем не менее подходят к исходному тексту не как к догме, но как к чему-то, что можно оспаривать» [Пейгина, 2018, с. 126].

⁴ <https://fk-2019.diary.ru/p218166114.htm?oam#more2>

⁵ <https://bigicebang.diary.ru/p213962763.htm?oam#more2>

Работая в формате «миди» или «макси», фикрайтер нередко забрасывает свой текст на длительный срок, погружаясь в «реал», и снова возвращается к творчеству. Интерпретация прецедентного текста – процесс мировоззренческий и аналитический, отстоящий от первой эмоциональной реакции. Появление фанфикшна предваряет когнитивный механизм, причем текст-источник воспринимается с мировоззренческой полнотой, обладает для фикрайтера определенным сакральным смыслом.

Какими бы ни были творческие потребности авторов фанфиков: поиграть в любимых персонажей, растянуть удовольствие от канонического текста, развивая оставшиеся за кадром сюжетные события в новых перипетиях, результат в итоге отправляется на суд фанатов. «Предназначение» фанфика – вписаться в субкультурную среду в качестве нового объекта глобальной дискуссии фандома – определяет художественные особенности текста. Как литературное интерпретативное высказывание он должен нести «свежее» прочтение канона и при этом доступно «прочитываться» на фанатском поле. Поэтому фикрайтер балансирует между узнаваемостью, канонической чистотой повествования и литературным новаторством, что делает задачу отчасти сложнее, чем у начинающего писателя, не связанного веригами канона и ищущего «своего» читателя среди массовой аудитории.

Несмотря на привязанность фанфиков к субкультурной среде, говорить о признаках фольклорной коллективности текстов не справедливо. Действительно, дистанция между фикрайтером и его читателями сокращена уже тем фактом, что они равноправно интерпретируют текст-источник. Но это не приводит к «абсолютизации интересов аудитории при публикации произведений» или приоритетности «роли читателя» [Долгополов, 2005, с. 10]. Фикрайтер, работая в поле лишенной монетарной мотивации дискуссии, стремится «пленить» читателей собственным прочтением источника. Он не безразличен к авторской идентичности и восприятию текста аудиторией, отстаивает свое художественно-смысловое пространство, контролирует распространение текстов, вступает в диалоги с авторами отзывов в поисках единомышленников. В процессе обсуждения фикрайтер акцентирует свою позицию – видение источника и героев, конфликты и этические позиции. Авторы фанфикшна ценят за талант создать на основе канона художественно интересный и цельный текст, не близость к интерпретационным практикам имеет значение, а уникальность. Отзывы на фанфики популярного на фандоме, посвященном творчеству Дж. Мартина, автора *Lelianna* это иллюстрируют:

Ух, как здорово! Все-таки, все эти футуристические штуки в мире ПЛиО могут очень органично смотреться (видимо, дело в том, что ПЛиО неплохо натягивается на НФ, поджанр «забытая колония»). Жаль, что про такое редко пишут («Обратный отчет») ⁶;

Оо, это что-то с чем-то. Необычно и жутковато. И опять же, несмотря на модерн, всё равно ж таки вы умудрились сохранить каноничность героев! («Ни больше ни меньше») ⁷.

Сюжеты фанфикшна разнообразны, отражают сюжетную палитру мировой литературной практики, но перекося в сторону рефлексивного драматического повествования в романтическом антураже очевиден. Идеино-художественным центром в фанфике является персонаж канона. Как правило, неординарная личность или, напротив, образ, страдающий и невинно гонимый. Вокруг него строится художественный эксперимент: героя отправляют в будущее (Lali, «СанСан в стиле техно-нуар [Идем со мной, если хочешь жить]») ⁸, прошлое, ставят в трудноразрешимую ситуацию (Вереск, «Выход есть всегда») ⁹, толкают на неканонные любовные отношения (Lali, «Если бы у Рамси был пулемет») ¹⁰, меняют социальное положение или гендер (Yokki san «Этим утром впервые моя раздробленная жизнь собралась воедино») ¹¹, отбирают память (Лилули, «Скольжение») ¹² с целью переосмысления образа, выявления скрытого потенциала личности, многообразия проявлений характера и чувств. Сюжетные эксперименты проверяют прочность героя и часто выходят за границы достоверности. «Мучения» героя – способ вызвать сопереживание читателя и заострить внимание на важных для фикрайтера темах, раскрываемых с тех или иных ценностных позиций. Наиболее частотны оппозиции «любовь и ненависть», «дружба и вражда», «предательство и доверие», «свобода и зависимость», «подлость и прощение», «ограниченность и преодоление стереотипов».

Фикрайтерство можно назвать площадкой эмоциональных и этических экспериментов. Автор может провести моральную переориентацию персо-

⁶ <https://7kingdoms.ru/talk/threads/6525/>.

⁷ <https://7kingdoms.ru/talk/threads/7658/>.

⁸ <https://7kingdoms.ru/talk/threads/8001/>.

⁹ <https://7kingdoms.ru/talk/threads/9267/>.

¹⁰ <https://7kingdoms.ru/talk/threads/10690/>.

¹¹ <https://ficbook.net/readfic/9331730/>.

¹² https://yliyli.diary.ru/p194401975_skolzhenie.htm/.

нажа: отбелить антагонистов, очернить протагонистов или склонить читателя к спорной с позиции ценностей христианской культуры этической оценке героя. Так, например, авторы Frau Lolka¹³, Liluly¹⁴ делают главным героем текстов Рамси Болтона, который в «Песни Льда и Пламени» является своего рода квинтэссенцией зла – ограниченным и омерзительным садистом. Но фикрайтеры описывают детство, тяжелые отношения с отцом, погружают читателей во внутренний монолог персонажа, в «вывернутость» душевного мира и заставляют потеряться в оценке героя, находить оправдание поступкам, которые с позиции морали оправдания не имеют. Фикрайтер – провокатор дискуссии второго уровня, он толкает читателя от обсуждения канона к обсуждению фанона, к многоконтекстному осмыслению героя, его ценностей и моделей поведения. При всех своих литературных слабостях фанфик претендует на дидактический потенциал, является своего рода учителем и посредником между литературным произведением и кругом увлеченных читателей. Фикрайтер разъясняет смыслы исходного текста, своего рода мифа, находясь лицом к лицу с читателем, в дискуссионной дистанции.

Действительность исходного произведения в фандомных сообществах определяют как «вселенную», «канон», фанфик населяют «вканонные» и «вхарактерные» персонажи. Если фантазия фикрайтера переносит персонаж в другую реальность, возникает жанр АУ – «альтернативная вселенная», в ней обитают «аушные» (AU – Alternate Universe) или «оосные» (ООС – out of character) герои, образ которых не похож на канонный. Фанаты относятся к тексту-источнику как к объемному миру, хоть и вымышленному, но для фаната заменяющему реальное: так возникает оппозиция «реала» и «фандома». «Вселенная» фандома требует создания целостной картины бытия, ценностей, образцов поведения, и они, коллективно осознанные на базе литературного источника, превращаются в мифологию фандома, транслируемую через нарративные и творческие акты участников. С такого ракурса фанфики становятся своего рода апокрифической литературой, развившейся в условиях интернет-сообществ и неомифологического сознания, когда мифологические структуры текста-источника «проигрываются или пересоздаются, тем самым рождая новые мифы, соотносимые с современностью» [Абаганова, 2018, с. 183].

¹³ <https://ficbook.net/readfic/4630470/>.

¹⁴ <https://ficbook.net/home/myfics/7190187/>.

Определение апокрифа А. Е. Наумовым [Naumow, 1976] как произведения, «развивающего диахронически и /или синхронически план библейского повествования в качестве его неправомочной конкретизации или выясняющего семантические акценты, входящие в противоречие с официально признанными»¹⁵, поменяв «библейского» на «канонного», можно смело приметить к фанфикшн. Подобно авторам апокрифов, фикрайтер в беллетристической форме «неправомочным» образом конкретизирует и интерпретирует семантические аспекты канона, попадает в дискуссионное поле «вканонности» и допустимости текста, балансирует между занимательностью и поучительностью.

Апокрифическая литература фокусируется на герое, его жизни до событий канона, после или в упущенный канонический момент. Апокрифические истории о Богородице, Моисее, Аврааме, Адаме расширяют канву библейского повествования. Автор неканонического текста обращает внимание на деталь – факт или событие, вскользь упомянутое в каноне, за которыми можно увидеть историю, заглянуть за занавес мотивов героев и подоплеку ключевых событий. «В апокрифических памятниках художественная достоверность часто развивается через подробность или бытовую деталь, которая в контексте абстрагирующей особенности средневекового текста становится «сильной деталью» [Рождественская, 2004, с. 25]. Средневековый автор новозаветных апокрифов повествует о бытовых подробностях жизни Христа и его учеников [Травников, 2019, с. 43], а фикрайтер, увлеченный тем же, создает для описания домашней жизни любимых героев отдельные жанровые направления: «повседневность»¹⁶ и «занавесочная история»¹⁷. Победителем голосования «Лучшее на 7kingdoms» стала бытовая зарисовка «Сказки сукиного сына»¹⁸, о том, как пьяный Сандор рухнул в доспехах у двери покоев Сансы Старк и рассказывал сказки. Забавное в их разговоре чередуется с печальным, красивый вымысел с неприглядной реальностью, а сквозь сквернословие солдата проступает романтическое отношение к девушке.

¹⁵ Цит. по: [Рождественская, 2004, с. 20].

¹⁶ Работа сосредоточена на описании событий и ситуаций из повседневной жизни персонажей: <https://ficbook.net/tags/1677/>.

¹⁷ Работа сосредоточена на персонажах в подчеркнута будничных, домашних ситуациях, обычно значительно романтизированных или идеализированных, несмотря на их рутинность: <https://ficbook.net/tags/1688/>.

¹⁸ <https://7kingdoms.ru/talk/threads/6795/>.

Апокрифическая и фанатская литература имеют пристрастие к соединению героев и мотивов различных «вселенных». Распространенный жанр «кроссовер» можно присвоить и ряду апокрифических текстов. В них «имеет место рекомбинация мотивов из разных источников, а также объединение разных образов – кроссоверы, библейских и евангельских (Евы и Девы Марии, Каина и Иуды и т. д.). Например, согласно устной болгарской легенде, Адам и Дева Мария живут в раю, покрытые, как козы, шерстью, которая сходит с них после съедения запретного плода» [Неклюдов, 2008, с. 4]

Художественная канва апокрифа и фанфика часто пронизана фантастическими мотивами, эмоциональным отношением к миру, расцветивается выразительной конкретикой. Автор средневекового текста стремится вызвать у читателя «сладкий ужас», как, например, в апокрифической повести «Страсти Христовы»: «бичевание столь ужасно, что от крови его обгаряется земля и едва ли не всё его божественное тело отделяется от костей – только божественное естество, подчеркивает автор, дает возможность Иисусу остаться в живых» [Савельева, 1994, с. 78]. С такой же ужасной детальностью автор фанфика «Живущий вечно» описывает эксперименты над собой Кощея, которого боги наказали бессмертием:

Я содрогался от прикосновения раскалённых углей, стонал, когда тонкие железные прутья рассекали кожу. Подвешенный на дыбе, я бился в конвульсиях, а жидкое семя стекало по исхлестанным ляжкам и смешивалось с кровью, потом и мочой¹⁹.

Внимательный к детали, автор апокрифа поражает воображение конкретным описанием адских мучений: в «Хождении Богородицы по мукам», грешники, «подвешенные за края ногтей рук и ног, исходили кровью, а их языки от огненного пламени скрутились так, что не могли вымолвить: “Господи, помилуй меня!”» [Травников, 2019, с. 46]. Повествование о положительных героях стремится к созданию деталей, вызывающих умиление читателя: таковы сцены из детства Христа («Евангелие детства»), который, играя с детьми своего возраста, лепит и оживляет птичек из глины [Белова, 2015]. Фикрайтера также бросает от графически подробных сцен

¹⁹ <https://fk-2019.diary.ru/p218222584.htm?oam#more5/>.

жестокости к умильному флаффу²⁰. В кроссовере «Вендиго» автора frankie_625 Гарри Поттер (герой книг Джоан Роулинг) и Уилл Грэм (герой сериала «Ганнибал» от NBC), будучи детьми, оказываются обращены в чудовищ, но, не успев натворить зла, становятся жертвами жестоких лабораторных экспериментов, проводимых их собственным отцом Томом Реддлом (антагонист Гарри Поттера в оригинальном тексте)²¹. Ганнибал Лектер спасает детей, и история заканчивается светлыми бытовыми зарисовками с походами на пляж и совместной чисткой зубов по утрам. Помимо эмоциональных контрастов здесь излюбленный фикрайтерами перевертыш, в которых зло оказывается добром, добро – злом.

Средневековый автор и фикрайтер с особым интересом подходят к изучению жизни отрицательных персонажей. В устной «Легенде об Иуде» подробно исследуется нечестивая жизнь предателя от рождения до смерти в петле на осине [Белова, 2004, с. 338]. Frau Lolka пишет цикл фанфиков о мельнице, посвященных детским взаимоотношениям Рамси Болтона с братом, отцом и матерью, пытаясь понять, что сформировало его жестокую натуру²². Но этические позиции авторов фанфиков и авторов апокрифов расходятся: первые, вступая в зону «серой морали»²³, часто стремятся в воплощении зла найти человеческие черты, вторые – трансляторы христианских ценностей, – исследуя путь зла, отвращают от него средневекового читателя каждой художественной деталью.

Фанфик отличается от апокрифа формой неомифологического сознания и ценностей, специфических для современных обществ. Фанфикшн появляется во второй половине XX в., в эпоху массовых обществ. Массы – понятие с негативным ценностным оттенком в постмодернистских версиях социальной теории. В очерке «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» Ж. Бодрийяр указывает, что массы не обладают политической репрезентацией, социально неопределенны, «не являются хорошими проводниками смысла вообще» [2020, с. 8]. Массы нейтральны

²⁰ В работах делается упор на теплые отношения между персонажами, светлый позитив, сантименты и общую жизнерадостно-идиллическую атмосферу вида «всё прекрасно и дальше будет ещё лучше»: <https://ficbook.net/tags/1667/>.

²¹ <https://ficbook.net/readfic/9030470/>.

²² <https://7kingdoms.ru/talk/threads/3564/>.

²³ Действия описанных в работе персонажей и их моральный облик изображены неоднозначными с моральной точки зрения, в истории нет однозначных положительных героев и однозначных злодеев: <https://ficbook.net/tags/839/>.

идеологически, инертны политически и свободны от символических обязанностей. Философский дискурс об эпохе постмодерна противопоставляет ее модерну: эре политических идеологий, нарративу прогресса, морали научно-технического развития и социально-инженерным утопиям. Модерн – эпоха партийной и классовой борьбы и репрезентации. Постмодерные общества подвергаются рефлексии в широком смысле как посттоталитарные.

Крах больших идеологем и основанных на них политических режимов, а также несостоятельность идеи технического прогресса как основы общественного благоденствия разрушают мифологический ландшафт и старые основы социальной солидарности. Идентичность в таких обществах основывается в большей степени на потребительских практиках, чем на принадлежности к сообществам, ассоциациям и идеологиям. Не исчезающий запрос на самоидентификацию в контексте подрыва авторитета ее масштабных содержательных оснований реализуется в современности посредством персонализации потребительских благ [Бодрийяр, 2006]. Человек «собирает» себя из индустриальных продуктов, начиная с одежды и заканчивая чтением и телесмотрением, тем самым выражая себя через производство различия в пространстве сложно дифференцированных вещей.

Постмодерн – не эпоха, а идеально-типическая конструкция, указывающая на принципиальные изменения в культуре богатых стран после Второй мировой войны. Равно идеально-типически мы пытаемся определить и современные аналоги апокрифа: какие характерные для современных обществ концепты можно назвать движущей мифотворческой силой?

Формально миф – знак второго порядка. Указание на некоторое означаемое некоторым означающим – знак первого порядка. В плане мифа такой знак выступает двояко: с одной стороны, это «смысл», т. е. знак в системе первого порядка [Барт, 1994, с. 80–81]; с другой стороны, это «форма», т. е. означающее в системе второго порядка. При рассмотрении знака как формы конкретность ее смысла затемняется в результате вмешательства нового означаемого, которое схематизирует и вытесняет смысл на второй план [Там же. С. 82–83]. Это новое означаемое, – «концепт», – в связке с формой образует миф. Концепт – побудительная причина мифа. Фраза «Заткнись, Поттер!» в первом порядке указывает на отношения ме-

жду действующими лицами, во втором – переносит на себя дискурс морального и сексуального релятивизма²⁴.

В целом как миф можно охарактеризовать литературу как таковую. Концепт литературы присваивает в качестве означающего смыслы письма [Барт, 2008]. Конкретные тексты воспринимаются как тело литературы и отражают ее социальную фактичность. На практике письмо не существует как таковое, в «нулевой степени». Делая письмо видимым, литература присваивает его. В этом отношении фанфикшн мифологичен по факту своей литературности.

Разговор о мифологиях простирается за пределы формального определения мифа. Дискурсы обладают конкретной историей возникновения и поддерживаются ограниченным кругом интересантов. Когда они маскируются под универсальные социальные порядки, возникает миф. Так, если посмотреть на содержательные отличия фанфиков от апокрифов, мы видим, что фанфикшн больше тяготеет к моральным провокациям, обследованию серых этических зон и релятивизации зла. Используя в качестве знаков первого порядка компилированные фрагменты канонов и кроссоверы, фикрайтер создает миф, в котором канон становится репрезентацией типичных проблем постсовременности, обсуждавшихся выше: индивидуализированные общества – фокус на частных жизнях и деталях, личных тактиках создания себя; массовые общества – политическая пассивность и потребительская идентичность; посттоталитарные общества – банальность зла и его человеческие лица.

Фанфикшн прогрессивен в отношении читательского опыта в массовой литературе. Движение от атомизированного чтения стандартного издательского продукта к пластичности опыта взаимодействия с другими участниками фандома в своем роде освобождает читателя от тирании литературы как индустрии [Самутина, 2013]. Вовлечение читателей в практики совместного чтения и письма было реваншем читателя в борьбе с издателем за право на свой вкус, голос и удовольствие чтения. Фандом – это сегмент читательской аудитории, в котором начинается производство фанфикшна. Используя для фанфикшна метафору апокрифа, сложно сказать, что будет метафорой для фандома, потому что у отдельных библейских сюжетов нет сегментированных аудиторий в современном смысле слова.

²⁴ Первая страница выдачи по такому поисковому запросу в «Гугле» содержит только слеш.

Как нет слушательской аудитории такого общезначимого фольклора, как анекдоты про Штирлица или Чапаева. На ранних этапах развития фанфик функционально похож на апокриф в рамке фандома, но не на социальном уровне.

Письмо и авторство обладают автономной от потребительских и читательских истоков фикрайтинга логикой, для развития которой особенностью постсовременного мифа следует считать скорее отправной точкой, чем терминальным выражением. Социологизм в описании фикрайтинга выводит на первый план историю освобождения читателя. Для утверждения себя как значимого актора в поле литературы он становится как бы писателем, играя с готовыми образами из продуктов массовой литературы. Если социологичное описание – это история освобождения читателя, то литературоведческое – история освобождения писателя. Первичный импульс фикрайтера – это эмоциональное потрясение, т. е. читательский опыт, и вместе с тем фикрайтинг – это воспроизводящаяся практика письма, и для направленной в будущее тенденции ее бытования ролевые особенности письма превосходят в значении особенности чтения. Фикрайтинг – пример освобождения писателя от модерного мифа литературной оригинальности.

Литература – это миф, который диктует правила прочтения понятия «писатель». Оно предполагает наличие гениальности, которой внимает читатель, отражает некоторый односторонний процесс, закрепощающий исполнителей соответствующих социальных ролей. Из этого стереотипа происходит клеймение не слишком изысканных текстов фразой: «это не литература». Признанный мифом о литературе писатель либо стоит «на плечах гигантов» – учителей и великих творцов, либо пропускает через себя дух времени и трансформирует его в слова. Так или иначе, он – продукт эпохи, а его тексты персонально оригинальны.

В мифе литературы есть место и беллетристу: писателю хорошо продающемуся, талантливому и злободневному. Он существует в рамках необходимой авторской оригинальности. Литература – это тексты писателей, а писатели придумывают свои тексты. «Молодые поэты подражают, а зрелые – воруют»²⁵ – правдивость афоризма вступает в конфликт с норма-

²⁵ В разных формулировках он приписывается то Т. С. Элиоту, то И. Ф. Стравинскому, то даже П. Пикассо.

тивными ожиданиями, производимыми в рамках литературного мифа. Воровать не просто не положено, но неприемлемо.

Фикрайтинг, возникающий как читательское сопротивление, становится писательским возрождением: чтение – проводник желания писать, и для современной литературы фикрайтинг значит то же, что апокриф для средневековой. Фанфикшн становится площадкой, где можно легитимно вовлекаться в практики письма в обход репрессивного и расплывчатого запроса на авторскую оригинальность. Если на заре существования фанфик и был «мифом постмодерна», то после смены нескольких поколений фикрайтеров стал автономным литературным фактом, который создает авторов, а не создается ими.

Конечно, фанфик – не апокриф. На уровне отдельного фикрайтера он мотивирован скорее авторски, чем фольклорно, а на уровне общекультурного объяснения имеет дело скорее с постмодернистской символической реакцией, чем с публичным запросом на интерпретацию сакральных нарративов. Литературоведческая аналогия между апокрифом и фанфиком сильна за счет того, что социокультурные предпосылки этих явлений отличаются друг от друга: из разных отправных точек они идут схожими путями, превращая игру с общезначимыми образами в основу для расширения понимания авторства и производства художественно значимых текстов.

На начальном этапе фанфикшн можно считать постсовременным мифом не только по содержанию – с точки зрения мифологизации «вечного постмодерна», но и по форме: его производство начинается с выбора читательского стиля жизни, конструирования идентичности. Фикрайтер может не считать фикрайтинг мифотворчеством, но сложно не усматривать в нём черты политического действия. Оно может противостоять однонаправленности массовой культуры, издательской политики или критическим интерпретациям, а может быть нацелено на консолидацию читательской аудитории, на формирование читательского «голоса», на расстановку значимых ценностных акцентов. Фикрайтер как «великий читатель», освобожденный читатель, – типаж, сумевший вырваться из пассивного участия в культурной индустрии и вставший в деятельную оппозицию к культуре эпохи модерна. Сообщество освобожденных читателей создает условия для развития автономных практик письма, в которых появляются более свободные писательские роли, не встроенные в нормативный порядок литературы как отрасли экономики.

Список литературы

- Абаганова А. О.* Неомифологическое сознание в постмодернизме // Слово – образ – речь: грани филологического анализа литературного произведения. М., 2018. С. 183–191.
- Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 72–130.
- Барт Р.* Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. 431 с.
- Белова О. В.* «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 576 с.
- Белова О. В.* «Глиняные птички»: апокрифический мотив в фольклорный легендах // Slověne. 2015. Т. 4, № 1. С. 39–44.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
- Васильева Н. И.* Фольклорные архетипы в современной массовой литературе: романы Дж. К. Роулинг и их интерпретация в молодежной субкультуре: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 243 с.
- Горалик Л.* Как размножаются Малфои. Жанр «фэнфик»: потребитель масскультуры в диалоге с медиа-контентом // Новый мир. М., 2003. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/12/kak-razmnozhayutsya-malfoi.html (дата обращения 05.01.2021).
- Долгополов А. Ю.* Формирование литературного процесса в российском Инете: структура, особенности организации и функционирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2005. 20 с.
- Неклюдов С. Ю.* От составителя сборника «Наивная литература: исследования и тексты» // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 4–14.
- Неклюдов С. Ю.* Голос и эхо мифа: Текст, жанр, сюжет // Живая старина. 2008. № 1. С. 2–5.
- Пейгина Л. В.* «Учи матчасть»: фикрайтеры как исследователи // Наука сегодня: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Томск, 2018. Ч. 1. С. 124–126.
- Радченко Д. А.* Сетевой фольклор как способ осмысления актуальной реальности // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности / Сост. А. С. Каргин, А. В. Костина. М., 2007. С. 63–86.

Рождественская М. В. Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: историко-литературное исследование: Дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 79 с.

Савельева О. А. Апокрифическая повесть: «Страсти Христовы»: некоторые вопросы структуры и поэтики // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3 С. 76–83.

Самутина Н. В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 3, № 13. С. 137–194.

Травников С. Н. История древнерусской литературы. Хрестоматия: Учеб. пособие для академического бакалавриата / Сост. С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская, Е. Г. Июльская. М.: Юрайт, 2019. 426 с.

Федорчук М. А. Специфика текстопорождения в фанфикшн (на материале русскоязычных фандомов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2017. 23 с.

Четина Е. М., Ключикова Е. А. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015 № 3 (31). С. 95–104.

Jenkins H. Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture. Routledge, 1992, 343 p.

Naumow A. E. Apokryfy w systemie literatury cerkiewnoslowianskiej. Wroclaw, Zaklad Narodowy im. Ossolinskich, 1976, 122 p.

References

Abaganova A. O. Neomifologicheskoe soznanie v postmodernizme [Neomythological consciousness in postmodernism]. In: Slovo – obraz – rech': grani filologicheskogo analiza literaturnogo proizvedeniya [Word – image – speech: the facets of the literary work philological analysis]. Moscow, 2018, pp. 183–191. (in Russ.)

Bart R. Mif segodnya [Myth today]. In: Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Publ. group “Progress”, “Univers”, 1994, pp. 72–130. (in Russ.)

Bart R. Nulevaya stepen pis'ma [Zero-degree writing]. Moscow, Akademi-cheskii proekt, 2008, 431 p. (in Russ.)

Baudrillard J. Obschestvo potrebleniya: ego mify i struktury [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow, Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. (in Russ.)

Baudrillard J. V teni molchalivogo bolshinstva, ili Konets sotsial'nogo [In the Shadow of the Silent Majorities, or the End of the Social]. Ekaterinburg, 2000. (in Russ.)

Belova O. V. "Gliniane ptichki": apokrificheskiy motiv v folklornykh legendakh ["Clay Birds": Apocryphal Motif in Folklore Legends]. *Slověne*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 39–44. (in Russ.)

Belova O. V. "Narodnaia Bibliya": Vostochnoslavianskie etiologicheskie legendy ["People's Bible": East Slavic etiological legends]. Comp. and comment. by O. V. Belova. Moscow, Indrik Publ., 2004, 576 p. (in Russ.)

Chetina E. M., Clyukova E. A. Fandomy i fanfiki: kreativnye praktiki na virtual'nykh platformakh [Fandoms and Fanfiction: Creative Practices on Virtual Platforms]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Bulletin. Russian and foreign philology], 2015, no. 3 (31), pp. 95–104. (in Russ.)

Dolgoplov A. Yu. Formirovanie literaturnogo protsessa v rossiiskom Inete: struktura, osobennosti organizatsii i funktsionirovaniya [Formation of the literary process in the Russian Internet: structure, features of organization and functioning]. Cand. Phil. Sci. Syn. Tolyatti, 2005, 20 p. (in Russ.)

Fedorchuk M. A. Spetsifika tekstoporozhdeniya v fanfikshn (na materiale russkoyazychnykh fandomov) [Specificity of text generation in fanfiction (based on the material of Russian-speaking fandoms)]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Orel, 2017, 23 p. (in Russ.)

Goralik L. Kak razmnozhaiutsia Malfoi. Zhanr "fenfik": potrebitel' masskul'tury v dialoge s media-kontentom [How Malfoys breed. Fanfiction: consumer of mass culture in dialogue with media content]. *Novyi mir* [New world], 2003, no. 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/12/kak-razmnozhayutsya-malfoi.html (accessed: 05.01.2021).

Jenkins H. *Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture*. Routledge, 1992, 343 p.

Naumow A. E. Apokryfy w systemie literatury cerkiewnoslowianskiej. Wroclaw, Zaklad Narodowy im. Ossolinskich, 1976, 122 p.

Neklyudov S. Yu. Golos i ekho mifa: Tekst, zhanr, syuzhet [Voice and echo of myth: Text, genre, plot]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 2008, no. 1, pp. 2–5. (in Russ.)

Neklyudov S. Yu. Ot sostavitelia sbornika "Naivnaya literatura: issledovaniya i teksty" [From the compiler of the collection "Naive Literature: Research and Texts"]. In: *Naivnaya literatura: issledovaniya i teksty* [Naive Literature:

Research and Texts]. Comp. by S. Yu. Neklyudov. Moscow, 2001, pp. 4–14. (in Russ.)

Peigina L. V. “Uchi matchast’”: fikraiteriy kak issledovateli [Teach materiel: ficwriters as researchers]. In: *Nauka segodnya: istoriya i sovremennost’* [Science today: history and modernity]. Materials of the international scientific and practical conference. In 2 vols. Tomsk, 2018, vol. 1, pp. 124–126. (in Russ.)

Radchenko D. A. Setevoi fol’klor kak sposob osmysleniya aktual’noi real’nosti [Network folklore as a way of comprehending actual reality]. In: *Folk-art-net: novye gorizonty tvorchestva. Ot traditsii – k virtual’nosti* [Folk-art-net: New horizons of creativity. From tradition to virtuality]. Comp. by A. S. Kargin, A. V. Kostina. Moscow, 2007, pp. 63–86. (in Russ.)

Rozhdestvenskaya M. V. Bibleiskie apokrifiy v literature i knizhnosti Drevnei Rusi: istoriko-literaturnoe issledovanie [Biblical apocrypha in the literature and bookishness of ancient Russia: a historical and literary study]. Diss. in form of report ... Dr. Phil. Sci. St. Petersburg, SPbSU Press, 2004, 79 p. (in Russ.)

Samutina N. V. Velikie chitatel’nitsy: fanfikshn kak forma literaturnogo opyta [Great readers: fanfiction as a form of literary experience]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2013, vol. 3, no. 13, pp. 137–194. (in Russ.)

Saveleva O. A. Apokrificheskaya povest’: “Strasti Khristovy”: nekotorye voprosy struktury i poetiki [Apocryphal Story: The Passion of Christ: Some Questions of Structure and Poetics]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], 1994, no. 3, pp. 76–83. (in Russ.)

Travnikov S. N. Istoriya drevnerusskoi literatury [History of Old Russian Literature]. Reader textbook for academic bachelor degree. Comp. by S. N. Travnikov, L. A. Olshevskaya, E. G. Iyul’skaya. Moscow, Yurait Publ., 2019, 426 p. (in Russ.)

Vasilieva N. I. Fol’kornye arkhetipy v sovremennoi massovoi literature: romany Dzh. K. Rouling i ikh interpretatsiya v molodezhnoi subkulture [Folklore archetypes in modern mass literature: the novels of J. K. Rowling and their interpretation in the youth subculture]. Cand. Phil. Sci. Syn. Nizhniy Novgorod, 2005, 243 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Ульяна Сергеевна Алексеева, кандидат филологических наук
SPIN-код РИНЦ 3330-0316

Тимофей Дмитриевич Алексеев, ассистент кафедры общей социологии
Researcher ID В-3834-2016
SPIN-код РИНЦ 4478-1985
Google Scholar NSpr880AAAAJ

Information about the Authors

Uliana S. Alekseeva, Candidate of Sciences (Philology)
SPIN code 3330-0316

Timofey D. Alekseev, Assistant at the Department of General Sociology
Researcher ID В-3834-2016
SPIN code 4478-1985
Google Scholar NSpr880AAAAJ

*Статья поступила в редакцию 10.03.2021; одобрена после рецензирования
12.04.2021; принята к публикации 15.07.2021*
*The article was submitted 10.03.2021; approved after reviewing 12.04.2021;
accepted for publication 15.07.2021*